

Фузулзянова Лилия Гусмановна

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В статье рассматривается пространство в татарских народных сказках, а именно особенности представления пространства в произведениях фольклорного жанра. Автор делает акцент на том, что движение (ход событий) подвергается сопротивляемости окружающей среды. Особое значение придается препятствиям, в результате которых происходит изменение статистического состояния сказочного пространства. Отдельно исследуются взаимосвязи границ пространства в сказке: переход героя из своего мира в чужой, иной мир. Анализируются все события, которые происходят в структуре пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 51-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Абазов А. Ч.** Очерки истории кабардинской драматургии. Нальчик: Эльбрус, 1996. 128 с.
2. **Абазов А. Ч., Нагоева С. М.** Драматургия Бориса Утижева. Жанрово-видовое и стилевое многообразие пьес. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. 76 с.
3. **Баков Х. И.** Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 344 с.
4. **Стефанеева Е.** Заметки о кабардинской драматургии: сб. статей о кабардинской литературе. Нальчик: Эльбрус, 1957. 326 с.
5. **Утижев Б. К.** Тыргатао. Трагедии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 292 с.
6. **Утижев Б. К.** Этюды о драматургии с грустинкой. // След. Статьи, заметки, эссе. Нальчик: Эльбрус, 2007. 628 с.
7. **Шаззо К. Г.** Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 1978. 238 с.
8. **Шакова М. К.** Кабардинский драматический театр. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 448 с.
9. **Шакова М. К.** Национальные истоки и становление кабардинской драматургии и театра. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 68 с.
10. **Шортанов А. Т.** Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1961. 160 с.

TRAGEDY BY B. K. UTIZHEV “TYRGATAO”

Utizheva Lyalyutsa Borisovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
silelosh@mail.ru

The article analyzes the tragedy by the Kabardian playwright, national writer of the Kabardino-Balkar Republic and cultural figure Boris Kuneevich Utizhev “Tyrgatao”. The author lists the critical articles of Kabardian theatrical critics on this tragedy. The issue about the topicality of the study of the creative work of the playwright and his innovation in the Kabardian dramaturgy is raised. The paper also examines the role and place of the tragedy “Tyrgatao” in the playwright’s creative work and in the Kabardian dramaturgy in general. Besides, it highlights the playwright’s mastery in the use of artistic techniques, for example, such as “telling names”.

Key words and phrases: B. K. Utizhev; tragedy; dramaturgy; Kabardian dramaturgy; theatre; Kabardian theatrical criticism.

УДК 398.21

В статье рассматривается пространство в татарских народных сказках, а именно особенности представления пространства в произведениях фольклорного жанра. Автор делает акцент на том, что движение (ход событий) подвергается сопротивляемости окружающей среды. Особое значение придается препятствиям, в результате которых происходит изменение статистического состояния сказочного пространства. Отдельно исследуются взаимосвязи границ пространства в сказке: переход героя из своего мира в чужой, иной мир. Анализируются все события, которые происходят в структуре пространства.

Ключевые слова и фразы: пространство; сказочное пространство; система пространства; татарские народные сказки; герои сказок.

Фузулзянова Лилия Гусмановна

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан
fuz.liliya@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В любом произведении, в том числе и в произведениях фольклорного жанра, каждое движение подвергается сопротивляемости окружающей среды. Именно поэтому движения, ход событий имеют различную скорость и могут происходить в разных пространствах; развитие движений имеет мерцающий характер и не бывает стабильным: оно происходит или с большой скоростью, или с заметным замедлением. В целом разновидность качеств окружающей среды определяет вариантность движений (действий) героев: некоторым сюжетам свойственно то, что герой достигает своих целей без какого-либо труда, с легкостью, а некоторые сюжеты отличаются тем, что персонажи на своем пути сталкиваются с многочисленными и достаточно сложными препятствиями.

Главная особенность системы пространства в татарских народных сказках заключается в сверхпроводимости пространства. В действиях незначительно отображаются препятствия окружающей среды и материального окружения. Сказкам с подобными особенностями присуща своя специфика строения сюжетной линии и системы образов; динамику внутреннего пространства определяют вышесказанные параметры. Герои сказок двигаются с удивительно большой скоростью, путь у них ни трудный, но и ни легкий. Препятствия, с которыми сталкиваются герои на своем пути, не природного происхождения, возможно, являются элементом сюжета.

Как мы говорили, пространство само по себе не препятствует движению и направлению героя. Именно поэтому и локус, куда движется герой, и расстояние объекта никак не препятствуют действию и движению

героя. Расстояние указывает только на то, каким масштабным и объемным является система пространства в сказке. Такие формулы расширения пространства, как «день проходят они, ночь проходят, месяц проходят они» («көн китэлэр болар, төн китэлэр, ай китэлэр болар»), «пока чугунные галоши не сотрешь, не найдешь» («чуен калуш туздырмыйча табалмассын»), являются этому доказательством. Завершением таких пространственных формул обычно становится то, что герои доходят до какого-либо «далекого места» («ерак урынга») или до «места, где живет загадочное существо» («серле зат яши торган урынга»): «Ушла она, спросив разрешения у отца. Как говорил змей, взяла в руки железную палку, на ноги надела железные башмаки. Идет-идет. Прошли года, эта девушка, пожелтев, превратилась уже в бабушку. Пройдя еще очень долго, девушка зашла в дом, где встретила своего отца» («Атасыннан рөхсэт сорап чыгып китте бу. Жылан эйткәнчә, тимер таякка таянды, аягына тимер башмак киде. Бара-бара бу. Озак еллар үтте, бу кыз саргаеп карчык кыяфәтенә керде. Бик озак баргач, кыз үзенең атасы очраган йортка керде») [1, б. 126]. Такой удивительный простор и широта пространства показывают важность (смысл) движения и проявленных поступков героя.

Таким образом, сказочное пространство в статистическом состоянии ускоряется или замедляется с помощью определенных приемов. Динамика движения героя приводит к динамике мира волшебных сказок: герой с помощью какого-либо волшебства в один миг проходит далекие расстояния, или же об этом вообще не говорится и рассказывается только о начале и конце пути героя. В сказке «Нурсылу» дорога героя занимает несколько лет, но на обратном пути с помощью черной птицы («каракош») он возвращается обратно за сутки («бер тәүлек дигәндә кайтып житә»). Для того чтобы замедлить динамику движения в пространстве, в сюжет сказок специально вводятся локусы-препятствия. В таких местах действия в пространстве эпически ретардируются (замедляются) с помощью символических образов, деталей и сюжетных линий: в картине мира сказки «Каракош» встречаются такие препятствия, как разросшийся лес вдоль дороги, песчаная пустыня – мотивы дороги-тропинки.

Сказка «Три подарка» («Өч бүләк») [Там же, б. 125] – еще одно особенное отображение сказочного пространства. В начале сказки бросается в глаза деталь, которая не свойственна волшебным сказкам. Это функциональная вспомогательная деталь системы пространства – представление реального исторического места – Макарьевской ярмарки («Мәкәржә ярминкәсе»), – богач (хозяин) идет туда торговать. В образ Ярмарки в этом случае возложена двойная семантически-символическая задача: помимо выполнения функции города-царства в форме традиционного локуса «свой», этот образ использован в роли места (ареала), где запутываются события. Вместе с локусом Ярмарки в «свое» пространство входит абстрактное место проживания, где живут герои. Богач перед тем как пойти торговать на Ярмарку спрашивает у своих трех дочерей, какие им гостинцы привезти. После торговли на Макарьевской отец собирается в путь для исполнения желания младшей дочери – добыть яблоко размером с человеческую голову.

С развитием событий в структуру пространства сказки входит локус темного леса («кара урман»). Темный лес, дом в лесу служат дорогой в магический мир, «воротами» в «иной» мир («теге» дөнья»). Хозяйка этого дома – старушка – указывает дорогу богачу – показывает, как попасть в тот мир.

Богач, проследовав по указанной дороге, попадает в локус «чужого» пространства («чит» пространство). В этом случае функцию «иног» мира выполняет яблочный (яблоневоый) сад. Как мы видим, в сказке «Три подарка» границы модели пространства сравнительно узкие, по территориальным параметрам – маленькие (сад, ярмарка) и указаны конкретно и точно.

На пути героя нет каких-либо географических, топографических препятствий и сложных испытаний. Но тем не менее в структуре пространства сказки «Три подарка» есть элемент преграды, старушка предупреждает героя об этом, но не подсказывает, как его обойти: «Иди вот этой дорогой, сынок, увидишь змей гигантских размеров. Они охраняют замок, если заметят, в живых не оставят» («Менә шушы юл белән бар, улым, тәвә-тәвә жыланнар очрар. Шулар бик саклылар, сизсәләр, исән калдырмастар») [Там же]. Особенность модели пространства связана с элементом порога-препятствия. Отец трех дочерей сталкивается с препятствием не по дороге в загадочный (волшебный) мир, а на обратном пути. В данном случае обладателю волшебства не приходится справляться с этим испытанием. Здесь мы видим нейтральную позицию: змея («селан») оставляет в живых богача, но домой его отпускает только с условием, что отец должен будет отдать за него замуж свою младшую дочь. Следует обратить внимание на то, что передвижение героя из границ одного пространства в другое не играет важной роли в развитии сюжета.

Образ змеи («селан») достаточно интересный и своеобразный. Он во всех локусах свободно передвигается, в одно и то же время исполняет роль охранника «того» мира и роль преграды при входе в этот мир. В то же время змей выходит из семантически-символических границ отрицательного персонажа, в сюжетной линии он трансформируется в положительного героя – обычного парня. Следовательно, в сказке отсутствуют отрицательные герои, в системе пространства также замечается незначительное изменение – «чужой» мир предстает не совсем враждебным локусом, а, возможно, является местом, где начинается новый этап жизни.

Явление, когда змей-парень, придя в деревню, где живет девушка, рассказывает о своей тайне ей, но девушка не может сохранить эту тайну, и в результате этого парень уходит обратно, приводит к трансформациям в структуре пространства. С уходом парня и началом пути девушки пространство переживает два изменения. С одной стороны, оно растягивается и возникает эластичное пространство, а пространство, в котором движется девушка, сгущается, концентрируется, сжимается: «...я ухожу, прощай. Если не захочешь умереть, будешь меня искать. Сделай железную палку с палец толщиной, а на ноги надень железные ботинки, подошва у которых будет также с палец толщиной. В тот момент, когда меня найдешь, подошва этих ботинок сотрется до тонкости листка дерева. А палка в руке превратится в иголку. Вот до такого времени

придется тебе искать меня <...> Ушла она, спросив разрешения у отца. Прошли года, эта девушка, пожелтев, превратилась уже в бабушку» («...мин китэм инде, сау бул, ди. Үләсең килмәсә, мине эләрсең, ди. Бармак калынлыгы тимер таяк ясат, аягыңа тимер башмак ясат, аның табаны бармак калынлыгы булсын. Минне тапкан вакытта, шул башмагың ышкыла-ышкыла агач яфрагы калынлыгы гына калыр, ди. Таягың, сызып, кулыңда энә хәтле генә калыр, шул гомерләр эзлисең бар әле мине <...> Атасыннан рөхсәт сорап чыгып ките кыз. Озак еллар үтте, бу кыз саргаеп карчык кыяфәтенә керде») [Там же, б. 126]. В момент, когда девушка превращается в старушку, события, не связанные с ней, сохраняются в статистическом состоянии. Создается особенное вакуумное пространство: старушка, которая в начале сказки показала дорогу отцу девушки, до сих пор жива, и живет она в доме внутри леса. Она отправляет девушку в сад снова по той дороге, по которой шел ее отец – структура пространства замыкается в одной точке, но это еще не конец. В конце сказки наблюдаем интересное явление – ход событий в пространстве происходит в обратном направлении: «Разок дунул на сморщенную, сгорбленную старушку и та превратилась в восемнадцатилетнюю девушку» («Бөрешкән, бөкрәйгән карчыкка бер өргән иде, унсигез яшьлек кыз кебек булып китте») [Там же, б. 127].

Обобщив особенности представлений пространства, мы определенно видим, что для татарских народных сказок не существует универсальной модели пространства, описываемая картина мира в сказках разнообразна. Каждой сказке свойственно развитие действий в индивидуальном пространстве.

Немаловажную роль играет и то, что в татарских народных сказках взаимосвязи границ пространства формируются помимо того мира, где живет герой, еще на пути его путешествия. Особенности локуса формируются в результате движений героя сказки и его оппонентов – персонажей, которые владеют волшебством.

Список литературы

1. **Татар халык ижаты. Әкиятләр (беренче китап).** Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. 407 б.

REPRESENTATION OF SPACE IN TATAR FOLKTALES

Fuzulzyanova Liliya Gusmanovna

*Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
fuz.liliya@mail.ru*

The article deals with the space of Tatar folktales, namely, the peculiarities of space representation in the works of the folk genre. The author emphasizes that movement (the course of events) is exposed to the resistance of the surrounding environment. Particular stress is laid on obstacles, which result in the change of the static state of the fairy tale space. The paper explores the relationship of space boundaries in fairy tales: the character's transfer to a strange, different world. The author analyzes all the events that occur in the structure of space.

Key words and phrases: space; fairy tale space; system of space; Tatar folktales; characters of fairy tales.

УДК 82/821.35.0

В статье рассматриваются вопросы, связанные с так называемой «поэзией скорби», в которой нашли место не только беды и страдания балкарцев в годы депортации, но все их чаяния и надежды. В работе делается попытка проанализировать произведения известного балкарского поэта К. Отарова, выявляется, что творческая индивидуальность автора связана с характером и психологией своего этноса, который четко выработал свое мировидение, менталитет, особый взгляд на окружающую среду, людей, без которых невозможно в полной мере понять художественное своеобразие поэта.

Ключевые слова и фразы: балкарская литература; образ; лирика; поэзия скорби; художественное мировидение.

Хульчаева Марьям Хажидатовна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
mkhulchaeva@mail.ru*

НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В ЛИРИКЕ КЕРИМА ОТАРОВА

Основные темы трагедии в балкарской литературе и, в частности, поэзии Керима Отарова [3], – Великая Отечественная война и депортация северокавказцев – преломляются как испытание нравственной чистоты человека, его стойкости и мужества на путях борьбы за Отечество и верности высоким идеалам, через которую открывается более глубокая, этическая природа человека – стойкость и совесть.

К этой проблеме обращались почти все представители балкарской литературы старшего поколения. Но первично художественное преломление темы депортации балкарского народа принадлежит Кериму Отарову. Эта особенность наиболее четко просматривается в его творчестве.